

Автор: Есельсон С. (Россия)

*Посвящается моим друзьям
Тимофею Сергейцеву, Сергею Смирнову,
украинскому бизнесмену и депутату
Сергею Касьянову и работнику Полтавского
краеведческого музея Валентине Андриец*

Клятва Гиппократа

□□□ С детства я знал, что мой дедушка, мамин папа, был на войне врачом и пропал без вести в сорок первом. Помню воспоминания мамы и бабушки о том, что 21 июня 1941 года у них дома собралась большая компания, обсуждали Заявление ТАСС о том, что войны не будет, а дедушка всех убеждал, что будет, так как шел большой призыв и всех призывников отправляли в западные округа.

Дедушка пошел в армию добровольцем 23 июня, на следующий день после начала войны (ему было в ту пору 46 лет), и его тотчас призвали, так как он имел уже большой опыт и первой мировой, и гражданской, и работы врачом в условиях «близких к боевым» — на подъеме Голодной степи. Готовился он и к отправке добровольцем — военным врачом в Испанию, но не успел.

Помню бабушкин рассказ о том, как они были с дедушкой врачами в Цимле во времена коллективизации. На дедушку как-то донес санитар о том, что он оказал медицинскую помощь дочери кулака, и дедушку вызвали в районное НКВД. На вопросы там он отвечал, что при получении диплома врача давал клятву Гиппократа, обязан ее соблюдать и будет ее соблюдать — лечить больных, независимо от их социального происхождения. Дедушку отпустили. Помню, в 50-е — начале 60-х мы регулярно ходили с бабушкой в военкомат, где бабушка получала ответ о том, что никакой информации о дедушке нет. Помню рассказ о том, что в 1946 году в центре Ростова, на Большой Садовой бабушка встретила врача, который в 1941-м служил вместе с дедушкой в одном госпитале. Он рассказал, что они попали в окружение, армия уходила, а в госпитале было много тяжелораненых.

Нужно было решать, что делать. Часть медперсонала приняла решение уходить вместе с армией. Дедушка решил остаться с ранеными. По словам этого врача, он говорил дедушке: «Сёма, надо уходить, пропадем, все равно немцы придут, раненых всех перестреляют», — а дедушка отвечал: «Даже если перестреляют, то люди до последней своей минуты не будут брошенными. Я давал клятву Гиппократа. Остаюсь. И будь что будет». Дело было на Украине, в сентябре 1941 года. Бабушка в момент встречи растерялась и не спросила, где именно это происходило, а потом не могла этого врача найти — наверное, приезжал откуда-то в

Ростов повидаться со знакомыми или родственниками. С тех пор так ничего и не стало известно ни о судьбе дедушки, ни о судьбе госпиталя.

В 1983 году бабушка умерла. А в 1995-м начал себя широко рекламировать Архив Министерства Обороны, что находится в Подольске. Родители туда написали и из полученного ответа поняли, что надо писать дальше, в Военно-Медицинский Архив в Санкт-Петербург. Написали. Но им ничего не ответили.

В 2000 году судьба меня привела в Санкт-Петербург, и я зашел в Военно-Медицинский Архив. Выяснилось, что в 90-е они не отвечали на письма, потому что Архиву не выделялось денег на конверты. Я оставил им конверты. И вскоре начал получать оттуда ответы. Выяснилось, что дедушка служил в 67-м подвижном полевом госпитале, приписанном к 26 армии Юго-Западного фронта. Это была одна из тех армий, что попали в окружение после падения Киева. И это была единственная армия, которой удалось выйти из окружения. Удалось узнать и список мест дислокации госпиталя в 1941-м.

С тех пор я всякий раз, как подворачивался контракт на работу на Украине, немедленно соглашался. В 2002 м, в апреле, произошло одно из самых поразительных событий в моей жизни. Я ехал в поезде из Днепропетровска в Минск. Сел в поезд ночью. Но рано утром меня невесть что разбудило. Переехали через Днепр. Широкая спокойная гладь воды. Заливные луга. Редкие перелески. Красивейшие места. И вдруг внутри меня звучит голос: «Здесь погиб твой дедушка». Я ошеломленно смотрю в окно — проезжаем станцию «Пальмира».

Я все-таки поехал выяснять судьбу по списку мест дислокации, начиная с конца. Выяснилось, что госпиталь туда не доехал. Везде чудом оказывались живы глубокие старики с ясной памятью — свидетели событий 1941 года.

По планам эвакуации госпиталь должен был перемещаться по тому маршруту, который был записан в его карточку в архиве, но этого не произошло. Произошла катастрофа — немцы рассекли нашу оборону одновременно во многих местах, уничтожили штаб фронта. Последние документы Главного санитарного управления фронта, документы второй половины сентября 1941-го написаны карандашом — так и хранятся в архиве Министерства Обороны. Официальная информация о передвижении госпиталей отсутствовала — вот, видно, кто-то потом и записал в карточку госпиталя для простоты вместо последних мест дислокации список мест планируемой эвакуации.

Побывал я в Оржице, райцентре Полтавщины, откуда уходила в прорыв 26-ая армия. Последняя телеграмма ее командующего, генерала Костенко, в Ставку от 23 сентября 1941 года такая : «Положение исключительно тяжелое. С наступлением темноты попытаюсь с остатками прорваться в направлении... Громадные обозы фронта и раненых вынуждены оставить в Оржице, вывезти которых не удастся». Однако следов армейского госпиталя в Оржице не было — там были только медсанбаты. Увидел, как наши выходили из окружения — через непроходимые болота, немцы не ожидали, что наши решатся через них пойти. Огромное число людей утонуло. Но вышли, и зная

вынесли.

В Оржице я и выяснил, что с южного фланга нашей армии действовала моторизованная дивизия СС «Райх». 23 ноября 2004 года в Киеве бушевали оранжевые страсти. В этот день я искал станцию Пальмира, что в списке мест дислокации госпиталя стояла на предпоследнем месте. Ехали в Черкасской области по дороге, ища места выезда на станцию. Села были все с названиями особыми — Христово, Рождественское, Преображенское, Вознесенское. Выяснилось, что Вознесенское — это и есть станция Пальмира.

Все складывалось. Угрюмые мужики с батогами, живой образ «зеленых» времен гражданской войны, не пропускавшие машины пришельцев в село, подозревая в них зловерных агитаторов за «оранжевых» или за «синих», нас в село пропустили. Первая же вышедшая из школы учительница взялась активно мне помогать. И с ее помощью я нашел единственную свидетельницу — одинокую женщину 85 лет, полную сил и памяти. Она сказала удивительные слова: «Я поняла для чего я живу и живу — все помирают вокруг, а я вот живу. Я последний свидетель. Я живу, чтобы рассказать».

Сентябрь 1941-го. В село вошла дивизия СС «Райх», обнаружила в школе госпиталь (перенесенный нашими солдатами со станции перед уходом). Эсэсовцы тут же перед школой расстреляли врача, сестричек, раненых и поехали дальше. Жители похоронили всех в братской могиле. А в какие-то из послевоенных лет пришел указ закрыть кладбища, которые в центре сёл — кладбище закрыли и посадили там парк.

Я взял оттуда землю и перенес на могилу бабушки, которая ждала дедушку всю жизнь до своей смерти в 1983 году. Так она его дождалась.

Мой дедушка — военврач 3 ранга Векслер Семен Менделевич, выпускник медицинского факультета Ростовского (эвакуированного во время I Мировой войны из Варшавы) государственного университета выпуска 1924 года.

Экзистенциальные Встречи

В этой небольшой подборке представлены некоторые материалы исследования с помощью метода, альтернативного социологическому. Мы назвали его методом экзистенциальных встреч. Он был опробован во время выборной компании на украинских президентских выборах, результаты этих исследований были использованы моим другом, политическим консультантом.

Метод этот исходит из философии экзистенциализма, кардинально отличаясь по своим базовым принципам от социологического. В чем отличие?

Во-первых, такое исследование проводится исключительно для конкретного человека — заказчика. Понимать и использовать их осмысленно может только он и только в одном временном пласте с исследованием, в день и час поступления ему исследовательской информации. Материалы исследований как бы располагаются в

контексте жизни заказчика.

Соответственно, такое исследование требует своеобразной со-настройки исследователя и заказчика.

Во-вторых, исследование такого типа — порождение исследователем текста о жизни человека. Если в социологии исследователь выспрашивает мнение респондента о чем-то, при этом концентрируя сознание человека на том, на чем он не был сконцентрирован и как бы заставляя это мнение формулировать, создавая его, то в нашем исследовании интерес не к мнению о выборах, а к жизни человека.

В-третьих, исследования такого типа не являются массовыми исследованиями. В них исключительна значимость каждого диалога. Невозможно и бессмысленно в таком исследовании требовать, чтобы исследователь завязывал беседу с каждым встречным. Встреча, диалог в таком исследовании — это проявление движения души. Они свершаются редко. Без насильственного любопытства исследователя, без суеты. Из глубины души появляется чувство, предвосхищение Встречи, особый настрой исследователя на глубину и значимость происходящего. Только после этого Встреча происходит. М. Хайдеггер считал, что только во время Встреч мы живем, в остальное время мы — мертвы, в остальное время мы — просто носители чьих-то взглядов, каких-то стереотипов. По-видимому, перед смертью мы вспоминаем именно Встречи. Материалы исследований часто расценивались заказчиком как мистические откровения. Это были откровения лично ему.

Встреча 1

2 октября 2004 г., 14.00, Киев, Крещатик

Пожилая опрятно одетая женщина просит милостыню. Подаю милостыню.

- Сколько Вам лет, бабушка?

- А сколько, угадайте?

- Восемьдесят пять?

- Не угадали — девяносто один год! Что — не выгляжу?

Я большую часть жизни у Патона проработала. Награды имела. Избиралась. Могла ли подумать, что под конец жизни выйду на Крещатик милостыню просить! Вот Вы не можете сказать, где в будущем окажетесь — на троне или на паперти. И я не могла... Но не ради себя прошу, а ради больного внука.

- А что с внуком?

- В войну я в госпитале работала, в полевом. А когда немцы Киев заняли — раненых спасала, по семьям их распределяла, много их здесь осталось. Меня в гестапо забрали. Я тогда в первый раз Богу помолилась, и он ответил: «Иди и ничего не бойся, Я буду с тобой!». Там немцы следователи были и наш, морда наевшаяся. Я на вопрос немцев отвечала, мол, ничего о наших раненых не знаю. А наш говорит: разве не видно — комсомолка, надо ее для примера повесить! Тогда я перекрестилась и говорю немцам (поняла вдруг, что они по-русски понимают), что я потому и осталась, что вас ждала, и другие киевляне ждали. А этот — провокатор, красный шпион, специально хочет народ поссорить с вами. Так я спаслась.

- А пенсия какая, бабушка?

- Пенсия — сама сейчас не пойму. Говорят, Кучма то ли уже поднял, то ли поднимать будет. Пенсия унижительная. Дорогие поздравления к праздникам присылает — издевается прямо... Видите, сколько народа: идут, гуляют, а меня не видят. А что я могу? Я молюсь за здоровье тех, кто мне подает.

- Как Вас звать, бабушка?

- Анна. А ваше имя как будет?

- Мое имя Семен. Бабушка, а как голосовать?

- Против Януковича надо. Он насильник. Двух девочек изнасиловал. Нам депутат рассказывал. За Ющенко надо. Вы телевизор смотрите? Видели, как его отравить пытались? Паразиты. А сами Вы киевский-то?

- Нет, я приезжий. В командировке. А Вы депутату, что про Януковича рассказывал, верите?

- А как же не верить!.. Депутату-то. Коли он с нами, стариками, встречается, уважил нас. Раньше таких не было, чтобы к старикам сами ходили, про все рассказывали.

Встреча 2

8 октября, 18.30, Киев, ул. Красноармейская

Очень пожилая женщина, плохо, но аккуратно одетая. Напомнила мне бабушку. Стояла посреди тротуара и, казалось, пристально смотрела на меня.

- Бабушка, Вы смотрите на меня?

- Сынок, поговори со мной.

- Бабушка, Вы видите меня?

- Я тебя не вижу, сынок. Пелена. Говорят, езжай, искусственный хрусталик делай. А денег на него где брать — не сказали.

- Бабушка, а дети, внуки что ж деньгами не помогли?

- Да у них самих денег нет, еле перебиваются. Я дочери образование давала, думала — врачом сделаю, в люди выведу, врачи всегда нужны будут, всегда пригодятся, всегда с куском хлеба. Нужно было ее в продавцы отдавать или в бухгалтера, чтоб к воровскому делу с детства приучалась. Надо было много детей рожать. А родила одну, дура. Муж шофером был, в аварии погиб. По любви и из верности больше ни к кому не прилипала, замуж не выходила. Дочь — врач ухо-горло-нос в поликлинике, имеет, как говорится, с гулькин нос. Муж ее — инженер на железной дороге, тоже не дай Бог. Я, как на пенсию ушла, внуку выращивала одну, потом вторую смотрела. Теперь внуки на своих ногах стоят — младшей осьмнадцатый пошел, старшей — шестнадцать. Я не нужна. Дома тишина телефонная. С утра прилипну к радио и слушаю, а что ж делать-то...

- И что, к Вам не приходят дочь с семьей?

- Как не приходить — приходят. По праздникам и именинам. А живу ж я каждый день...

- А по телефону?

- По телефону: что, мол, тебе? А как я отвечу, что мне? Когда сама не знаю. Говорят, немцы копят деньги на старость, а потом ездят по миру туристами. Туризмом, стало быть, свое одиночество запивают. Сынок, ты даже не поверишь, — меня болезни

развлекают, есть чем заняться, в аптеку, в поликлинику сходить.

- А подружки — как?

- Кто как. Некоторые померли, а остальные — так же.

- Бабушка, с Вами интересно говорить. Скажите, а за кого мне голосовать на президентских выборах?

- Ой, сынок, так много брешут. Говорят, что один бандит и насильник, а другой, говорят, американский шпийон. Но на моей памяти людей часто оговаривали. Кто из них честно ответит на все вопросы и объяснит, как будет улучшать жизнь людей — за того голосуй. А кто будет вокруг да около — за того не надо.

- Не решила. Жду. Решаю.

- А если бы вдруг президентом стали, чтобы Вы сделали для стариков?

- Я — президентом? Ты шутишь, сынок!

- Пускай понарошку, но вдруг он рядом стоит и нас слышит?

- Я бы со стариками разговаривала. Мне тошнит не от голода, а от тишины... И знаешь, я бы как-то сделала, чтобы молодые думали о своей старости — что они до нее доживут и что они будут тогда делать.

- Дай Вам Бог здоровья, бабушка!

- И тебе спасибо, мил человек.

Встреча 3

11 октября, 22.00, Киев, Крещатик

Женщина лет пятидесяти, виолончелист. Я останавливаюсь ее послушать, потом подаю деньги.

- Спасибо, Вы первый, кто заплатил.

- Но у Вас же здесь много денег лежит?

- Это я сама положила, чтобы люди думали, что мне многие платят.

- Вы замечательно играете.

- Вы любитель виолончели?

- Честно говоря, за всю мою жизнь единственный период увлечения музыкой связан с клубом самодеятельной песни в моей молодости — сейчас это называют авторской песней.

- Я тоже была этим увлечена... Сейчас вот в Запорожье большой фестиваль проходил — но для меня это прошлое.

Скажите, а какая мелодия в последнее время чаще всего звучит у Вас в голове, если не секрет?

- Какой там секрет!.. «Один и тот же сон мне повторяться стал, мне снится, будто я от поезда отстал, один в лесу зимой на станции ушел...

- ...А скорый поезд мой пошел, пошел, пошел». Помню, конечно. Знаете, фильм «Титаник» на меня произвел впечатление, неизвестно еще что ушло — скорее всего, «Титаник» отплыл, а интеллигенция осталась на берегу и не понимает, что это — ее спасение.

- В России, кажется, интеллигенция отплыла на «Титанике». Ей дали заработать, обслуживая чиновников и бизнесменов написанием за них диссертаций и книг по любым отраслям знаний, вплоть до стихов и научной фантастики, консультируя их по любым

вопросам жизни...

- Так Вы из России?!

- Из России, в командировке.

- Россия вся мне напоминает «Титаник». В Апокалипсисе, по-моему, была восьмерка царей. Россия — туда же лезет, в свалку Армагеддона. Вот уже и китайский Дракон проснулся после тысячелетней спячки.

- Первого человека за много лет встречаю, который знает текст Апокалипсиса.

- А я многих встречала — среди музыкантов, настоящих!

- У Вас же сейчас выборы? Как я понимаю, выбор между Россией и Америкой. Один кандидат пророссийский, а другой — проамериканский.

- Это — трагический выбор. Вот живут себе шведы своими шведскими нуждами, постепенно развиваются, благоустраивают свою жизнь... или швейцарцы те же. И мысли не держат, что проблемы жизни в их стране решатся, если присоединиться к кому-то.

Так что ни я, ни кто-нибудь из моих друзей не будет принимать участия в голосовании.

- Как у Высоцкого — «Колея это только моя, пробирайтесь своей колеей»?

- Да, именно так. Мне понравилось, как когда-то Фидель прямо сказал народу: «Страна мы небогатая, но независимая. Я не обещаю вам процветания, но обещаю, что налажу хотя бы приличную доступную медицину и спорт. Разобьюсь, но сделаю. Остальное — следующие поколения».

- Так и сказал?

- Так и сказал, помню так. А у нас таких людей нет. Чтобы обещали немного, но железно.

- Да, у вас свои проблемы, у нас — свои.

Скажите, а как Вы так стоите и не замерзаете? Холодно ведь!

- А мне внутри тепло. Я знаю, зачем сюда прихожу. И Вам того же ощущения желаю!

Встреча 4

15 октября, 13.00, Киев, ул. Леси Украинки, пешеходный переход через улицу

Пожилой мужчина, лет семидесяти пяти-восемидесяти, попросил помочь ему перейти через улицу.

- Отец, скажите, по-Вашему, за кого голосовать?

- Не знаю. Я еще не решил. Мне умирать горько. Моя жизнь оказалась никому не нужна. Вот мне пошел восьмидесятый, скоро помирать, а мне кажется, что я уже умер.

- Как это?

- А вот так. Не знаю, куда себя приложить.

- А если мемуары писать?

- О чем Вы!? Я же ведь не маршал и не генерал. Я пытаюсь дочери рассказывать о прошлом — так она мне, мол, «зас... мозги внукам». А у внуков футбол и девочки на уме. Дело молодое.

- За Ющенко-то они бегают на митинги?!

- Бегают, время есть. Говорят: «Дед, голосуй за Ющенко, он всем ветеранам орден даст от незалежной Украины». Я спрашиваю: «А бандеровцам даст?». Они мне: «Дед, ты

и на смертном одре с ними не помиришься, что ли?».